

В диссертационный совет Д 210.020.01,
созданный на базе Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Челябинский государственный институт культуры»
по адресу: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Ткаченко Станислава Олеговича «Открытие в динамике культурно-коммуникативного пространства советской эпохи», представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Глубокий интерес к культуре советской эпохи начал формироваться сразу же после ее завершения, однако весь этот, несомненно, чрезвычайно значимый период жизни страны остается и сегодня неизведанной территорией: если история советского строя активно и разнонаправленно изучалась «по горячим следам» (пусть и с соответствующими идеологическими перегибами), то собственно культура, антропология, социальные практики повседневности советского времени незаслуженно попали во время и после перестройки в «презираемые» темы, а потому и сегодня ждут фундаментальных исследований. Именно в силу разрыва между значимостью семидесятилетнего периода советской истории для формирования, репрезентации, трансформации культуры и его недостаточной изученностью в научной литературе (и прежде всего – в культурологии, см. мнение автора работы на с. 13 диссертации) *актуальность* предпринятого научного исследования несомненна.

Научная новизна работы предопределяется как обширным эмпирическим материалом (исчисляющимся тысячами открытых писем, обобщенно названных в диссертации «открытками советской эпохи»), ставшим предметом исследовательского интереса автора, так и примененным подходом: автор, опираясь на метафору фрактальности (понимаемую им как принцип отражения целого в любом элементе этого целого), предложил в работе интересную круговую модель рассмотрения материала: в диссертационной работе научная рефлексия автора по поводу открытия советской эпохи выстроена как «вложенные» концентрические круги; автор проходит по этим кругам от начала до конца советского периода каждый раз с отличной от предыдущего круга задачей. Такое построение позволяет диссертанту избежать излишней логоцентричности и

прямолинейности в анализе столь разнообразного материала, а в то же время интерпретировать множество аспектов феномена открытки советской эпохи.

Достоверность полученных результатов предопределяется как обширным материалом исследования, во многом представляющим собой личные коллекции автора работы, включающие уникальные образцы открытых писем разных лет советской эпохи, так и широтой исследовательского подхода, позволившего автору включить в работу взвешенные интерпретации разных сторон материала – от особенностей идеологии до примеров «внеофициоза» в функционировании открытых писем в советской культуре. Достоверность обусловлена комплексной методикой работы, позволившей автору получить сходные результаты в ходе применения таких разных методов, как, например, опросы и собственно послойный анализ артефакта открытки, включающий в фокус исследования как рукописные тексты, так и полиграфическое исполнение открыток.

В первой главе («Культурологические подходы к изучению феномена массовой открытки в СССР») диссертант излагает обзор существующих подходов к теме с целью обнаружения пробелов исследовательского поля и уточнения ниши диссертационной работы (параграф 1.1 «Теоретические аспекты изучения открытого письма в культурно-коммуникативном пространстве советского времени»). Наиболее важно здесь, по мнению автора работы, что обнаруживается дефицит именно культурологических обобщений феномена; авторы исследований стремятся либо охватить какой-то один аспект открытых писем, либо говорят об определенном периоде времени; также ощущается недостаток работ, интерпретирующих открытки как своеобразный индикатор культурной, идейной, социальной жизни советской эпохи. Во втором параграфе («Социокультурные факторы и предпосылки формирования феномена массовой иллюстрированной открытки в СССР») С. О. Ткаченко представляет историю феномена открытого письма (преимущественно сосредоточившись на советской эпохе). В третьем параграфе первой главы («Культурно-функциональные аспекты открытки в динамике исторических ситуаций советской эпохи») диссертант переходит к анализу открытых писем как значимой части социально-культурных практик советского времени, связанных с открытыми письмами. В этом параграфе внимание С. О. Ткаченко сосредоточено на функциях открыток, многообразие которых реализуется, как справедливо подчеркивает автор исследования, благодаря «функциональной пластичности и адаптогенности открытки к новым культурно-историческим контекстам» (с. 92 дисс.). Для автора работы важно

было собрать и классифицировать эти функции: так, он анализирует и идеологические, пропагандистские аспекты открытого письма, и коммуникативные функции частного информационного обмена. На с. 104–106 диссертации представлена классификация функций открытки советского времени, имеющая самостоятельное научное, эпистемологическое значение: диссертант упорядочивает имеющиеся подходы и создает непротиворечивую модель функционирования открытого письма в диахронии советского периода российской истории (см. также с. 28–30 автореферата). Применение социологического метода опроса посетителей выставки открытки советского периода также представляется оправданным и позволяет автору обнаружить новые аспекты функционирования открыток (в том числе, например, эстетические и рекреативные функции в рамках досуговых практик).

Во второй главе работы «Тематико-функциональная специфика массовой открытки в культурно-коммуникативном пространстве советского времени» автор возвращается к полноценному анализу феномена открытки от первых лет советской власти до распада СССР с иной (чем в первой главе) точки зрения: теперь открытка предстает в качестве носителя культурной информации и репрезентанты культурного пространства советской эпохи. Для понимания масштабов и значимости такой репрезентативности важны статистические данные, представленные в первом параграфе второй главы «Визуальная репрезентация содержания культурного пространства в открытке советского времени» (2,4 млрд копий открыток), а также и общее заключение автора о визуальном дискурсе открытых писем: «В почтовых карточках советского времени посредством специально выполненных для воспроизведения на них графических композиций, репродукций произведений искусства, фотографий были визуализированы практически все сферы жизни и истории страны, то есть различные срезы и подпространства культурного пространства советской эпохи» (с. 108 дисс.).

Обширный эмпирический материал исследования позволил автору обнаружить ключевую направленность изобразительного разнообразия открытых писем: гендерно-семейные ценности. Такой аспект помогает видеть, как в целом функционировали консолидирующие элементы советской культуры: идеологические, пропагандистские задачи в случае открытых писем также решались посредством обращения к гендерно-идеологической «стереотипизации». С. О. Ткаченко анализирует открытки как своеобразный «субтекст» советской культуры, построенный по принципу «годового круга», привязанного к определенным праздникам, активизирующим обмен открытками. Эти праздники в принципе

репрезентируют модель семейного счастья: «мужской» праздник 23 февраля, прославляющий силу и мужество «отцов», «женский» праздник 8 марта, ставящий в центр «матерей», борющихся за мир и справедливость, необходимых для спокойного воспитания детей уверенного будущего, которым посвящены общенародные праздники весны («Красной Пасхи» – 1 мая) и осени (7 ноября), а также «универсальный» праздник Нового года, когда открытки рассылались особенно интенсивно. На фоне установленной диссертантом «семейно-гендерной» ориентированности иллюстративного материала открыток прочерчена и линия исторического хронометража: открытки, издаваемые с начала советской эпохи, запечатлевают различные моменты исторических событий, превращая эти события в значимые элементы национальной идентичности, а сами открытки – в исторический документ и источник (с. 115–126 дисс.).

С. О. Ткаченко посвящает второй параграф второй главы маргинальным формам открытых писем («Открытка в официально табуированных культурно-коммуникативных ситуациях советского времени»). Сам факт существования «альтернативных» открыток, издаваемых кустарями, говорит о высоком запросе на такие форматы, а также позволяет выявить формы «низового» ответа на запреты и табу официальной культуры (прежде всего, это области религиозных верований и частно-приватной жизни, рассматриваемые в советской идеологии как «вредные» или «мещанские»). Здесь также важен вклад диссертанта в общее исследовательское поле таких форм «контркультуры» в России, проясняющих не только общий образ «простого советского человека», но и позволяющих видеть единство форм культурных практик и общего советского габитуса с предшествующим революции периодом, анализировать советский период не как время «уникальной общности – советского народа», а как период множества разрозненных ответов на вызовы «официального центра».

Наконец, в третьем параграфе второй главы («Открытка в условиях трансформаций культурно-коммуникативной сферы в СССР в 1980-х – начале 1990-х гг. и в современных культурных практиках») диссертант предлагает оригинальное сопоставление поздних форм функционирования открытки в советском обществе и современных культурных практик, связанных с «открыточным наследием» прошлого. Общекультурная архивизация открытки как носительницы многообразных функций в культуре советской эпохи сопровождается одновременно сменой функционала современных полиграфических решений в области производства открыток (их практически полного перемещения в область

комплементарных поздравительных элементов, сопровождающих иные подарки) и масштабным явлением приватной архивизации старых открыток как знаков ушедшей эпохи и меморатов конкретных семейных общностей.

Автор диссертации в Заключение исследования подводит итог применения «фрактального» подхода к эмпирическому материалу как репрезентанте широкого культурного поля и убедительно показывает, что в ходе такой исследовательской работы были решены все поставленные задачи и обоснованы положения диссертации, выносимые на защиту.

В ходе знакомства с текстом диссертации и автореферата возникают и вопросы, направленные на уточнение авторской позиции.

1. В диссертации говорится о материале исследования, что была использована коллекция автора, включающая более 10 тыс. иллюстрированных открыток советского времени (с. 19 дисс.). Хотелось бы в ходе защиты диссертации получить более подробную информацию о представленности в этой коллекции различных периодов советского времени, о качественном составе коллекции как об эмпирической базе исследования.

2. В ходе анализа материала автор открывает множество аспектов рассмотрения открытого письма в рамках культурологических исследований. Какой из этих аспектов представляется наиболее перспективным и почему?

3. В диссертации и автореферате отмечается значимость открытки как части коллективного эпистолярия эпохи. В то же время автор говорит о «шаблонизации» текстов на открытках. Была ли такая шаблонизация свойственна исключительно открытым письмам советского времени? В чем специфика эпистолярности открыток по сравнению с традиционными письмами «в конверте»?

4. В диссертации актуализируются такие формы «пластичной функциональности» открытых писем, как их включение в поделки и вторичные артефакты (например, стенгазеты – с. 89–90 дисс.). С точки зрения автора, в чем причина активного использования открытых писем в такой функции? Можно ли рассматривать такие формы, как оклеивание стен открытками или создание шкатулок из них, в качестве способов преутилизации чрезмерно заповоливших культурное пространство изображений (на одном из рисунков в приложении отчетливо виден тираж «20 млн»)?

Исследование С. О. Ткаченко прошло серьезную апробацию на конференциях, в публикациях автора, полученные результаты соответствуют пунктам 1.8 (Генезис культуры и эволюция культурных форм),

1.9 (Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов), 1.13 (Факторы развития культуры), 1.17. (Компоненты культуры (наука, мораль, мифология, образование, религия, искусство)), 1.24 (Культура и коммуникация), 1.33 (Институты культуры и их функции в обществе) паспорта научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

В целом можно заключить, что С. О. Ткаченко проведено самостоятельное, оригинальное, обоснованное научное исследование, позволившее ему внести вклад в общее исследовательское поле теории и истории культуры, выразившийся в выявлении различных репрезентаций, функций и значения открытого письма советской эпохи как части общего культурного пространства того времени, а также уточнении места этого феномена в современной культурной жизни страны.

Таким образом, представленное к защите диссертационное исследование С. О. Ткаченко «Открытка в динамике культурно-коммуникативного пространства советской эпохи» в полной мере соответствует заявленной научной специальности, обладает актуальностью, научной новизной, достоверностью полученных результатов, соответствует требованиям, установленным пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а его автор, Ткаченко Станислав Олегович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (специальность 10.01.01 – Русская литература), профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета

Загидуллина Марина Викторовна

ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

Адрес: 454001, Челябинская обл., г. Челябинск,

ул. Братьев Кашириных, д.129

тел.: +7 (351) 799-7101

e-mail: mzagidullina@gmail.com

официальное по кадрам